

Государственный
исторический музей
и отечественная археология

К 100-летию отдела археологических памятников

**Государственный исторический музей
и отечественная археология.**

к 100-летию отдела археологических памятников

Научные редакторы: канд. ист. наук Д.В. Журавлев,
докт. ист. наук Н.И. Шанина

УДК 902/904
ББК 63.4
Г72

Сборник утвержден на заседании Проблемного совета
отдела археологических памятников Исторического музея
10 февраля 2014 г.

Рецензенты: *канд. ист. наук Г.А. Ломтадзе, канд. ист. наук Н.А. Хайкунова*

Г72 **Государственный исторический музей и отечественная археология:** к 100-летию отдела археологических памятников. – М., 2014. 304 с.: ил.

ISBN 978-5-89076-285-6

В 1914 г. археологический отдел (в то время – отдел древностей первобытных и курганных) получил статус структурного подразделения Российского Императорского Исторического музея. Первыми экспонатами, внесенными в Главную инвентарную книгу РИМ, были археологические находки, именно они на тот момент составляли основу всего музейного собрания. На сегодняшний день в музее хранится более полутора миллионов археологических памятников.

Настоящий сборник рассказывает, как развивался археологический отдел ГИМ на протяжении целого века своего существования, как формировались его коллекции и организовывались археологические экспедиции, какие трудности переживали его сотрудники. Кроме того, в книге подведены некоторые итоги хранительской, научной и экспедиционной деятельности отдела.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-89076-285-6

© Исторический музей, 2014
© Журавлев В.Д., Шишлина Н.И., составление, 2014
© Белов А.Н., художественное оформление, 2014

К 100-летию отдела археологических памятников Государственного исторического музея

Археологические древности, как часть музейного собрания, составили основу коллекций Российского Императорского Исторического музея в момент его основания. Первыми экспонатами, внесенными в Главную инвентарную книгу музея, были археологические находки с Северного Кавказа, да и само основание музея в 1872 г. связано с Политехнической выставкой, на которой, помимо всего прочего, экспонировались предметы из древнего Херсонеса. Несмотря на это, статус структурного подразделения музея археологический отдел (в то время — отдел древностей первобытных и курганных) получил только в 1914 г. Первым его заведующим стал старший хранитель В.А. Городцов.

С тех пор прошло сто долгих лет музейной жизни. Менялись эпохи, сотрудники, стиль и даже название музея и отдела, поступали новые коллекции, создавались различные экспозиции и выставки, издавались книги. Неизменными оставались лишь сокровища древних цивилизаций и памятники материальной культуры, хранящиеся в фондах Исторического музея. Археологические памятники — особый источник информации. В невзрачных фрагментах керамики эпохи неолита или осколках античных стеклянных сосудов скрыта безымянная история многих народов и племен. На сегодняшний день в Историческом музее хранится более полутора миллионов археологических памятников с территории не только «одной шестой части суши» — бывшей Российской империи и Советского Союза, — но и из Германии, Дании, Франции, Италии, Греции, Кипра, Палестины, Египта и т. п.

Археолог в нашем музее — это не только хранитель вверенных ему коллекций, но и пылкий исследователь, творческий человек, создающий выставки и экспозиции, эмоциональный рассказчик и даже менеджер. При этом он остается истинным Хранителем российских музейных традиций XIX—XX вв., которые были заложены организаторами музея и, конечно, его первыми штатными сотрудниками — археологами А.С. Уваровым, В.И. Сизовым, И.Е. Забелиным, В.А. Городцовым.

«Чистки» и репрессии 1930-х гг., суровое время войны, эвакуации и послевоенного восстановления музея, идеологическая борьба с безграмотными чиновниками от науки и культуры в 1950-х — 1970-х гг., работа «на выживание» в самом начале 1990-х гг., бесконечные упаковки фондов и переезды, долгосрочный ремонт — это лишь часть истории коллектива археологов, тесно переплетенной с историей ГИМ и всей страны...

В разное время в археологическом отделе работали ученые, ставшие классиками археологической науки: М.П. Абрамова, А.В. Арциховский, А.С. Башкиров, Н.А. Богданова, А.Я. Брюсов, Е.В. Веймарн, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, Б.Н. Граков, И.И. Гущина, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, Л.А. Ельницкий, П.П. Ефименко, А.А. Захаров, С.В. Киселев, Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова-Гракова, Е.И. Крупнов, В.П. Левашова, В.А. Мальм, Т.Б. Попова, Н.В. Пятышева, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, Н.П. Сорокина, Д.Л. Талис, Н.В. Трубникова, Э.А. Федорова-Давыдова, М.В. Фехнер, М.Е. Фосс, И.К. Цветкова, Д.Н. Эдинг и многие другие специалисты.

Представляя юбилейный сборник в 2014 г., мы надеемся, что смогли показать, как развивался археологический отдел Исторического музея на протяжении целого века своего существования, как формировались его коллекции и организовывались археологические экспедиции, какие трудности переживали его сотрудники. В книге мы постарались подвести некоторые итоги хранительской, научной и экспедиционной деятельности отдела.

Н.И. Шишлина, Д.В. Журавлев
2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. К 100-летию отдела археологических памятников Государственного исторического музея	4
--	---

ИСТОРИЯ ФОНДОВ

И.В. Белоцерковская. Введение в археологические фонды Государственного исторического музея.....	6
В.А. Трифонов, Н.И. Шишлина. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 г.: архивные материалы.....	25
Н.Ю. Петрова. Памятники афанасьевской культуры в собрании ГИМ.....	44

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ

С.С. Зозуля, С.Ю. Каинов, А.А. Гомзин. Клад куфического серебра из Гнездова. 2010 г.	50
Е.А. Кашина. Энеолитические каменные шлифованные орудия для обработки дерева из раскопок поселения Великодворье 1 (Московская обл.): морфологический и пространственный анализ по результатам ремонтажа	74
А.П. Мошинский. Кавказ и скифы в V–IV вв. до н. э. (по материалам Горной Дигории)	82
И.В. Белоцерковская. Уникальное ожерелье из рязано-окского могильника	94

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.А. Симоненко. Крымская археологическая экспедиция Исторического музея. 1935–1940 гг.....	106
Е.Г. Застрожнова (Панкратова). Фанагорийская археологическая экспедиция Государственного исторического музея. 1936–1937, 1939 гг.....	112
Л.О. Гриненко, Л.В. Седикова. «...Народу херсонеситов, к которому и я себя причисляю». О херсонесских экспедициях Государственного исторического музея под руководством Н.В. Пятышевой. 1945–1975 гг.....	126
Н.И. Шишлина. Археологический источник и изотопная геохимия: интерпретация находок Степной археологической экспедиции Исторического музея.....	141
Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг.....	150
В.В. Мурашева. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея.....	187

ХРОНИКА МИНУВШИХ ЛЕТ

П.Г. Гайдуков. Переписка А.В. Орешникова и В.А. Городцова	204
Л.В. Грехова. Страницы истории отдела археологии: 1962–1974 гг.	209
С.В. Студзицкая. Воспоминания о Т.Б. Поповой.....	217
А.П. Мошинский. Ехали мы, ехали... ..	221

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873–1935 гг.	232
С.В. Макаренкова. Библиографический указатель изданий по археологии Государственного исторического музея	289
Список сокращений.....	300

Уникальное ожерелье из рязано-окского могильника

Древнейшая история Рязанского края привлекала внимание сотрудников Исторического музея еще со времен В.А. Городцова, который много сил и трудов вложил в изучение этого региона, выявляя и исследуя памятники археологии разных эпох — от неолита, бронзы до древнерусского времени (Старая Рязань). С той поры территория Среднего Поочья входит в круг постоянных научных интересов сотрудников ГИМ¹.

Одним из объектов исследования стали грунтовые могильники I тыс. н. э., изучение которых началось еще в конце XIX в., часть материалов из них уже была представлена в фондах и экспозиции музея. Но новый уровень развития методики раскопок и фиксации их результатов, а также угроза исчезновения этих памятников стараниями современных «любителей старины» стали причиной проведения многолетних планомерных раскопок трех крупных могильников Рязанской области — Кораблино, Заречье и Никитино. В них исследовано около 800 погребальных комплексов. В результате этих работ и последующего анализа коллекций сложилась более детальная картина истории этого региона, в которой нашли свое место и ранее полученные коллекции (Белоцерковская, Ахмедов, 2009). Находки последнего времени заставляют несколько по-иному взглянуть на роль среднеокского населения во взаимоотношениях с другими этнокультурными группами.

В позднеримский период в бассейне Средней Оки сложилась и долгое время существовала яркая самобытная культура, оказавшая заметное влияние на этнические процессы, происходившие как на соседних, так и бо-

лее удаленных территориях (Ахмедов, 2012). На протяжении всего периода ее становления и развития рязано-окские финны осуществляли разнообразные по форме и направлению связи с инокультурными группами населения (Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007; Белоцерковская, Ахмедов, 2009). Отражением этих контактов стали находки серий нетипичных для них категорий и видов погребального инвентаря.

Так нехарактерное для местного населения украшение в составе традиционного женского костюма содержал комплекс 195 рязано-окского могильника III—VII вв. Заречье, расположенного на правом берегу реки Прони (Рязанская область, Спасский район). Это ожерелье из отрезков проволочных спиральных пронизей, вероятно, изначально цилиндрической формы и биспиральных (иначе — очковидных², двуспиральных, биэсовидных) привесок (рис. 1, 1).

Биспиральные привески (10 экз.) изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром до 2 мм, изогнутой в виде петли; концы ее свернуты в спирали и представляют собой расположенные в одной плоскости округлые бляшки диаметром от 1,3 до 1,5 см. Спирали образованы четырьмя плотно прилегающими друг к другу оборотами проволоки. Высота привесок — 3 см, максимальная ширина — 3—3,1 см.

Привески крепились к основе ожерелья при помощи обойм, расположенных в верхней части петли. Они прямоугольной формы, пластинчатые с небольшим вертикально расположенным прогибом в средней части и с заходящими друг за друга концами на тыльной стороне. Ширина их — 0,3—0,4 см, высота — 0,9—1,1 см (в одном случае — 1,2 см).

¹ М.В. Фехнер, В.А. Мальм, Т.Б. Попова, И.К. Цветкова, Н.Г. Недошивина, Г.Ф. Полякова, Б.А. Фоломеев, Е.Д. Каверзнева, И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская, А.В. Емельянов.

² Это неудачный по отношению к рассматриваемым украшениям термин. Очковидные привески, под которыми мы понимаем проволочные без спиралей на завернутых в кольцо (иногда незамкнутое) концах изделия, рязано-окское население использовало в качестве держателей мелких привесок как на рис. 1, 6.

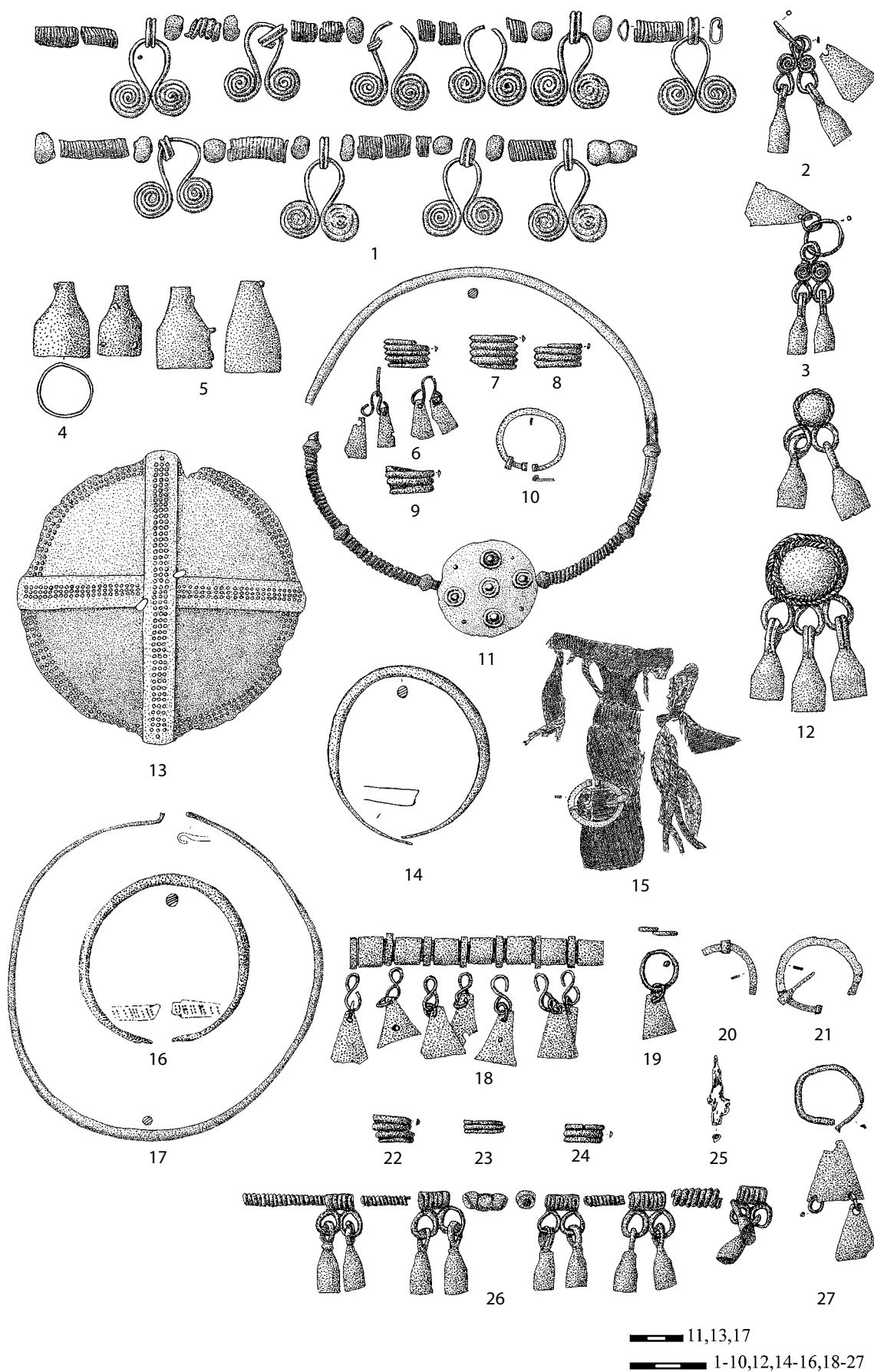

Рис. 1. Инвентарь комплекса 195 в Заречье. 1—18 — погребение А; 19—27 — погребение Б.
1 — сплав, стекло, бронза; 2—14, 16, 17, 19—27 — бронза; 15 — ткань, бронза; 18 — кожа, бронза

Максимальная ширина внутреннего пространства — 0,3 см.

Пронизи из проволоки плоско-выпуклого сечения толщиной около 1,2 мм, витки которой очень плотно прилегают друг к другу. Представлены фрагментами длиной от 0,5 до 2,6 см; все они деформированы, высота их в таком состоянии 0,6—0,7 см.

Биспиральные привески и обоймы к ним изготовлены из сплава на основе серебра с большим содержанием меди, незначительным — цинка и свинца и микроскопическим — золота. Спиральные пронизи выполнены из сплава на основе меди, но с высоким содержанием серебра и значительно меньшим — цинка и свинца³. Типичными для окских финнов элементами этого ожерелья являются только бусы, изготовленные из непрозрачного стекла красно-коричневого цвета, и немногочисленные отрезки бронзовых спиральных цилиндрических пронизей. По сравнению с описанными выше пронизями, последние значительно грубее, они изготовлены из более массивной проволоки и являются неперменной принадлежностью женского костюма среднеокского населения. Надо заметить, что стеклянные бусы, хотя и имевшие широкое распространение на Средней Оке, были здесь предметом импорта.

Рассматриваемое ожерелье (несомненно, инокультурного происхождения) — пока единственное в рязано-окских могильниках. Уникальность находки требует детального описания ее условий и общей характеристики всего комплекса.

Ожерелье найдено в парном захоронении в традиционной для окских финнов подпрямоугольной со скругленными углами яме, ориентированной в направлении ЗЮЗ-ВСВ. Длина ее 194 см, ширина — чуть более 90 см, глубина для этого памятника достаточно внушительная — около 80 см от уровня поверхности материка. Оба захоронения выявлены на дне, в положении лежа на спине с вытянутыми ногами, ориентированы головами на ВСВ. Под ними и поверх зафиксированы остатки луба (сверток или два примыкающих друг к другу свертка) длиной до 135 и шириной до 80 см. Сохранность скелетов неудовлетворительная, возраст определен приблизительно, по состоянию зубов. Погребение

А (левое) принадлежало девушке-подростку 15—17 лет, погребение Б (правое) — девочке не старше 6—7 лет. Одновременность совершения этих захоронений не вызывает сомнения.

В погребении А и было найдено рассматриваемое ожерелье. У висков девушки располагались две бронзовые височные литые двуспиральные подвески с двумя объемными привесками каждая (вид В височных украшений окских финнов) (Белоцерковская, 2012. С. 60). Обе крепились к округлым проволочным кольцам, к ним же на мелких проволочных колечках было подвешено по одной крупной трапецевидной пластинчатой привеске (рис. 1, 2, 3). Таким образом, эти височные украшения состояли из типичных для детского убора височных колец с трапецевидными привесками (вид А) и височных привесок вида В, которые у раннесредневекового рязано-окского населения маркировали костюм взрослых женщин и девочек не ранее 6—7-летнего возраста (Белоцерковская, 2012. С. 60—62). На уровне плеч находились крупные парные литые объемные привески без петель (рис. 1, 4, 5). В области шеи размещены две гривны — круглопроволочная с утоншающимися концами с замком в виде двух крючков (один из них в плоскости гривны), и гривна с замком в виде крючка и округлой коробочки диаметром 5,7 см с рельефным орнаментом на крышке (рис. 1, 11, 17). Здесь же найдено ремненное украшение с трапецевидными пластинчатыми привесками на S-видных проволочных звеньях, крепившихся к литым узким прямоугольным обоймам, которые отделены друг от друга широкими пластинчатыми прямоугольными обоймами (рис. 1, 18). Это распространенный в детском и женском костюме окских финнов V в. элемент, который рассматривают в качестве одного из видов налобных венчиков, но находят, как правило, в области шеи погребенных (далее для краткости — венчик-ожерелье). В нашем случае это изначально шейное украшение, поскольку именно над ним и располагалось второе ожерелье — с биспиральными привесками.

В нижней части груди лежала нагрудная пластинчатая дисковидная бляха диаметром 16 см с двумя взаимно-перпендикулярными накладками и двумя отверстиями для крепления в центре (рис. 1, 13). На накладках

³ Биспиральные привески с обоймами: Ag-57,73; Cu-37,06; Zn-2,75; Pb-1,98; Au-0,48. Пронизи: Ag-42,38; Cu-52,74; Zn-3,13; Pb-1,75. Определение эксперта ГИМ А.В. Будникова.

и по краю бляхи располагалось по три ряда мелкого чеканного орнамента в виде округлых выпуклых бляшек (далее — «жемчужного»). Под бляхой выявлены бейки, вероятно, от кофты, сколотые двумя сюльгами, а также остатки нагрудника в виде ткани с бахромой длиной 10 см и полос тлена шириной 1,7–2 см от очень мелких бляшек из свинцово-оловянного сплава (рис. 1, 10, 15). На обеих руках — по дотовому браслету: один широко распространенного в V в. вида — с уплощенными концами со штампованным орнаментом на них (рис. 1, 16), другой — со слегка заходящими друг за друга, но уже сильно раскованными плоскими концами, пока еще не широкими (рис. 1, 14).

На правой руке — три спиральных перстня из узкой трехгранной в сечении пластины, один из перстней — с четырьмя трапецевидными привесками на парных очковидных проволочных держателях. На месте левой руки, уничтоженной землероями, обнаружены два перстня и еще один оказался у черепа погребенной. Диаметр перстней 1,5–1,8 см (рис. 1, 6–9).

Между бедренными костями сохранились две вертикально расположенные полоски тлена от ткани шириной около 2,5 см, длиной около 10 см, очевидно, поясные кисти. Каждая была украшена одной литой умбонovidной пронизью с ложновитым ободком и двумя объемными петельчатыми привесками на кольцах, ниже располагалась такая же, но более крупная, пронизь с тремя объемными привесками (рис. 1, 12). Следы ткани сохранились лишь благодаря окислам бронзы. У истлевших стоп ног найдено железное шило (рис. 1, 25).

Для более точного определения даты этого погребения необходимо рассмотреть и инвентарь младшей девочки (*погребение Б*).

На ее голову была надета шапочка из какого-то мягкого органического материала (войлок?), в центре ее сзади обнаружена крупная трапецевидная подвеска (рис. 1, 27) с двумя более мелкими такими же концевыми привесками (одна распалась). У обоих висков расположено по одному височному кольцу с трапецевидной привеской каждое — одна распалась (рис. 1, 19). В области шеи расчищено ожерелье, состоявшее из бус непрозрачного стекла красно-коричневого цвета, отрезков бронзовых спиральных цилиндрических пронизей и литых ложновитых цилиндрических пронизей с двумя объемными колоколь-

чатыми привесками каждая (рис. 1, 26). Под ним найдены остатки наборного венчика-ожерелья, аналогичные обнаруженным в погребении А (рис. 1, 18). На груди расчищены две сюльгамы (рис. 1, 20, 21), на правой руке — два спиральных перстня и один — на левой (рис. 1, 22–24).

По типу погребального обряда и структуре костюмных комплексов оба захоронения принадлежат представительницам местного среднеокского населения. Все составляющие убор элементы характерны для женского (девичьего) костюма определенного времени, а в подобном сочетании типичны именно для V в.

Точно такой же набор из двух браслетов: один с раскованными плоскими концами, лишь слегка превышающими по ширине толщину дрота, другой — с одним уплощенным концом со штампованным орнаментом и другим обрубленным (как это часто бывает в детском костюме) есть в детском захоронении 44 в Заречье. Дотовые браслеты с раскованными плоскими концами получают широкое распространение лишь с конца V в., а браслеты с сильно раскованными пластинчатыми концами овальной или срезанной под углом формы, ширина которых значительно превышает толщину дрота, становятся доминирующими в VI–VII вв. (Белоцерковская, 2007. С. 198. Рис. 7; Белоцерковская, 2014. С. 206). Надо думать, что погребение 195 совершено ранее конца V в.

Двухъярусные пластинчатые трапецевидные подвески с двумя такими же мелкими концевыми привесками у окских финнов появились, вероятно, не ранее середины — второй половины V в. (Белоцерковская, 2014. С. 185). В несколько более поздних, нежели рассматриваемый комплекс, захоронениях — 48 в могильнике Кораблино и 100 в Заречье — в качестве концевых к таким украшениям использованы уже конические, свернутые из пластины привески. Аналогичные им подвески есть и в составе жертвенного комплекса-дара из мужского погребения 158 в Заречье периода 3С развития мужского инвентаря окских финнов по И.Р. Ахмедову. Этот период в целом соответствует фазе D3 центральноевропейских древностей (Ахмедов, 2007. С. 151. Табл. 2) и датируется в настоящее время второй половиной V — возможно, началом VI в.

Как уже неоднократно отмечалось, в развитии гривен с коробками у окских финнов наблюдается тенденция к постепенному

увеличению диаметров коробок от 3,3 см до 7 см. По этому показателю гривна из комплекса 195 относится к группе 4 с диаметром коробок 5,4–6 см. По наличию на коробке орнамента из «жемчужин» с рельефными ободками ей близки экземпляры из погребений 95 с крестовидной фибулой второй половины V — начала VI в. и 183 в Заречье, но здесь коробки крупнее, они относятся к более поздней группе 5 (с диаметрами 6,2–6,7 см). Почти аналогичная рассматриваемой (как по размерам, так и по орнаменту) гривна происходит из уже упомянутого жертвенного комплекса мужского захоронения 158 второй половины V в. в Заречье. (Белоцерковская, 2010. Табл. 1. Рис. 1, 4). Форма слегка вытянутых литых петельчатых привесок в составе височных украшений (рис. 1, 2, 3) также указывает не на самый ранний отрезок V в.

У трех пластинчатых сюльгам завернутые в спираль концы относительно сохранены, хотя есть незначительные утраты по верхнему и нижнему краям. Отношение длины спиралей к максимальной ширине пластины одной из них (рис. 1, 10) составляет 1,3–1,4. Серия Б2 пластинчатых сюльгам с соотношением указанных параметров в интервале 1,08–1,38 была максимально распространена в конце IV — первой половине V в., а следующая за ней серия Б3 с соотношением длины спиралей к ширине пластин 1,45–1,75 бытовала в основном во второй половине V — начале VI в. (Белоцерковская, в печати. Табл. 1). Рассматриваемая сюльгама из-за утрат на концах занимает между этими двумя сериями промежуточное положение и, скорее всего, относится к середине V в. Таким образом, предположительная дата совершения погребений — середина V в.

Гривны с коробками у раннесредневековых окских финнов были характерны в основном для убора взрослых женщин, и лишь редкие экземпляры включались в костюм девушек-подростков. Сочетание в височных украшениях из погребения А типично детских пластинчатых привесок и литых двуспиральных подвесок с объемными привесками, которые, как и бляхи с перекрестьем, начинают включать в детский костюм не ранее шести-семилетнего возраста (Белоцерковская, 2012. С. 65), как бы подчеркивает переходный статус погребенной — подростка на пороге совершеннолетия (Белоцерковская, 2012. С. 62–67; 2014. С. 185, 186, 192, 193, 196, 197, 199, 200).

Состав костюма в погребении А не совсем обычный, хотя все его детали, за исключением рассматриваемого ожерелья, хорошо известны в рязано-окских древностях.

Нагрудная бляха с перекрестьем, а также гривна с коробкой (особенно украшенная рельефными ободками вокруг «жемчужин») и поясные кисти, декорированные литыми бронзовыми пронизьями, дополненными привесками, вкуче с обычным набором украшений маркируют престижную группу 4 детского и подросткового (женского) костюма V в. Эти элементы указывают на довольно высокий социальный статус семьи ребенка, имевшей в данном случае и возможность получения импортных предметов. В рассматриваемый ряд костюмных комплексов входят, вероятно, как праздничные наряды взрослых девушек, так и комплекты одежды для девочек младшего возраста (но не ранее 6–7 лет), определяющие определенный статус его обладательниц (Белоцерковская, 2014. С. 200, 201).

Итак, ожерелье из биспиральных подвесок было включено в нарядный костюм девушки середины V в., характерный для группы рязано-окского населения, обладавшей довольно высоким положением в обществе.

Проволочные биспиральные привески, подобные рассмотренным ранее, встречаются на широкой территории при исследовании памятников разных (начиная с бронзового века) эпох (Егорейченко, 1991. С. 171–181). Но до последнего времени в рязано-окских могильниках их не находили. Ссылки на такие украшения в Шатрищенском, Борковском и Кузьминском могильниках (Егорейченко, 1991. С. 177) являются недоразумением, поскольку автор указывает на *литые* бронзовые височные подвески в виде петли со свернутыми в спираль концами и, как правило, с двумя концевыми объемными (типа рис. 1, 2, 3), реже пластинчатыми привесками. Это, как уже упоминалось, широко распространенный на Средней Оке вид В височных украшений. Такие изделия ни по технологии изготовления, ни по материалу несопоставимы с рассматриваемыми проволочными биспиральными привесками.

С точки зрения общих очертаний, пропорций и технологии изготовления привески из Заречья близки парным подвескам к двурогим лунницам на известной цепи из Вильнюсского музея, принадлежащей кругу предметов восточноевропейского убо-

ра с выемчатыми эмалями (Спицын, 1903. Рис. 192). Высота их — 2,6 см, ширина нижней части — 3 см. Е.Л. Гороховский рассматривает эти лунницы, как часть ожерелья (Гороховский, 1988. Табл. 45, 26а).

Биспиральные подвески шириной до 2,4 см и высотой до 2,2 см есть и в составе Усукского клада (Брянская обл.)⁴ того же круга предметов (Ахмедов и др., 2013. Рис. 2. С. 101), где они также служили привесками к луннице (3 экз.). Близкие рассматриваемым парные бронзовые привески шириной около 2,5–2,7 см и высотой около 2 см происходят из ареала культуры западнолитовских могильников с каменными венцами из погребений 18 и 24 в Байтай (Baitai — литовск.) (Banyté, 1999, No. 2, 2. P. 69, 71; Banyté-Rowell, 2008. S. 106. Abb. 3, 3). Здесь они использованы в качестве украшений головного убора. В целом, это характерный для данного памятника в периоды С2 и С3 элемент женского костюма.

Близкой территориально является находка такой бронзовой привески (высотой и шириной около 3 см) на верхневолжском городище Отмичи (Исланова, 2008. Рис. 62, 16)⁵. Встречаются подобные изделия и в памятниках днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. Табл. 14, 15), но здесь они выглядят совершенно иначе — с очень крупной петлей и несоразмерно маленькими спиральными завершениями концов.

Одним из наиболее крупных центров распространения биспиральных подвесок разных размеров является территория чебельдинской культуры, где эти украшения бытовали долгое время (Воронов, Юшин, 1979. Рис. 2, 8, 36; 5, 8, 9; 6, 22 и др.; Воронов, 2003. Рис. 5, 9, 10; 10, 6, 7, 38; 20, 21, 22; 43, 13; 51, 3 и др.; Гей, Бажан, 1997. Табл. 13, VI.4. С. 15). Но все они, как привески к фибулам, имеют иное функциональное назначение и пропорции, когда максимальная ширина значительно превосходит высоту. Да и способ крепления их к основе изделия (в данном случае к спинкам фибул) был иной — без специального держателя, либо с помощью простых округлых проволочных колечек.

Список находок биспиральных подвесок можно продолжить, но корректнее рассмотреть их в системе женского убора. Ни один из перечисленных экземпляров, за исключением, вероятно, более ранних образцов круга выемчатых эмалей, нельзя однозначно связывать с такой конструктивной деталью костюма, как ожерелье. В этом качестве они известны, в первую очередь, в I группе «древностей антов» по О.А. Щегловой (Щеглова, 1990. С. 162–205). И хотя днепровские клады отстоят от находки в Заречье почти на полтора столетия, между ней и, например, реконструируемым ожерельем из Гапоново наблюдается удивительное сходство.

В составе Гапоновского клада было, вероятно, десять⁶ биспиральных подвесок, включая бронзовый экземпляр с двумя обоймами для несохранившихся концевых привесок и биспиральную привеску с двумя крупными трапецевидными привесками. Концы спиралей двух подвесок обмотаны бронзовой проволокой. Подвески на рис. 19, 5–14 (Гавритухин, Обломский, 1996) изготовлены из серебряной, круглой в сечении, проволоки диаметром 2 мм. Они почти в два раза крупнее зареченских, количество оборотов проволоки в их спиралях больше, но высота этих подвесок, как и в нашем случае, равна или чуть меньше максимальной ширины. Серебряные пластинчатые обоймы для подвесок (девять найдены отдельно, одна — на биспиральной привеске), как и в нашем случае, прямоугольной формы с небольшим изгибом посередине, но, в отличие от зареченских, более крупные (1,2–1,4×1,8–1,9 см) и каждая со штифтом для крепления. В составе клада есть также гофрированные пронизитрубочки, изготовленные из серебряного листа, и бронзовые спиралевидные пронизии диаметром 0,4–0,6 см из плоской или треугольной в сечении проволоки (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 19, 4–14; 20, 8–15; 21, 8–19; 22, 1–6. С. 11–12).

Биспиральные привески известны и в некоторых других днепровских кладах I группы — Мартыновском, Козиевском и Суджан-

⁴ ГИМ. Оп. Б 2111.

⁵ У второй двуспиральной привески, найденной на этом памятнике (Исланова, 2008. Рис. 62, 15), витки спирали расположены не в одной плоскости, а слегка выступают центральной частью вперед (конусообразные). Этот экземпляр включен в комплекс предметов, характерных для тверской позднедьяковской группы памятников с предварительной датировкой IV–V вв. — 3-я четверть I тыс. н. э. (Исланова, 2007. С. 315).

⁶ Часть гапоновских биспиральных привесок найдена в виде обломков, поэтому установить их первоначальное количество затруднительно.

ском (Корзухина, 1996. Табл. 17, 1–3; 49, 1, 2; 66, 1–9). В первых двух комплексах они без обойм, парные и рассматриваются как височные украшения (Щеглова, 1990. Рис. 6, 7). В Суджанском кладе таких привесок девять, все с обоймами для подвешивания, но более профилированными и широкими, нежели в Гапоново (Корзухина, 1996. Табл. 66, 1–9)⁷. В связи с этим их, как и в Гапоновском кладе, рассматривают в качестве элемента ожерелий (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 57; Щеглова, 1999. Рис. 15, 18, 19).

Формы биспиральных привесок из днепровских кладов чрезвычайно близки между собой, ширина их, как правило, превышает высоту, а спирали, в отличие от зареченских украшений, имеют большее число оборотов. Основное же отличие заключается в несопоставимости размеров привесок обоих видов: экземпляры днепровских кладов шириной от 5,2 см в Гапоново, до 8,2 см в Суджанском и до 10 см в Мартыновском кладах (Корзухина, 1996. Табл. 17, 1, 3; 66, 1, 3–9). По общим очертаниям округлой петли, размерам и пропорциям днепровские украшения более близки цебельдинским.

Тем не менее, ожерелье из Заречья с точки зрения его конструкции и облика некоторых составляющих его элементов (сами привески, обоймы, пронизи) находит параллели именно в Гапоновском кладе (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 57).

Исследователи Гапоновского комплекса в свое время полагали, что уборы из днепровских кладов отражают культуру элиты ранне-средневекового общества этого региона (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 145). О.А. Щеглова, напротив, считает, что клады I группы аккумулировали «предметы массового потребления», «плоды индивидуального накопления» рядовых носителей культуры и распадаются на две группы — клады мастеров и клады, содержащие накопленные семьей один либо два праздничных (или обрядовых) убора и отдельные реликвии (Щеглова, 1999. С. 290–292). С некоторыми оговорками она относит Гапоновский клад к комплексам второй группы, полагая, что он содержит как минимум два разных комплекта женского убора (Щеглова,

1999. С. 293). В предложенных О.А. Щегловой реконструкциях женского и девичьего уборов населения Среднего Поднепровья на основе Гапоновского клада биспиральные подвески в составе ожерелий присутствуют в обоих костюмах (Щеглова, 1999. Рис. 18, 19).

Попытки найти истоки и определить этапы формирования типа женского костюма, известного в основном по немногочисленным погребениям по обряду ингумации и днепровским кладам I группы, имеют длительную историю, а точки зрения на происхождение этого убора во многом носят дискуссионный характер. Не касаясь этих проблем, остановимся лишь на одной из категорий днепровского костюма — биспиральных подвесках к ожерелью.

В поисках аналогий женским украшениям Гапоновского клада авторы исследования пришли к выводу, что трапециевидные и очковидные (в данном случае биспиральные) привески «чужды престижным прототипам» и представляют собой сохранившиеся в лесной зоне Восточной Европы местные образцы, включенные в новую гарнитуру. Таковы, по их мнению, очковидные подвески из памятников V–VIII вв. западной части Мазурского Поозерья, при этом их четкая хронологическая позиция по отношению к днепровским изделиям не определена. Исследователи полагают, что: «Именно „лесные“ вещи создают впечатление близости мазурских и днепровских уборов... Но внешне похожие изделия на Днестре и в Мазурском Поозерье относятся к разным культурным очагам, а сходство рассматриваемых вещей обусловлено... близостью среды прототипов украшений лесной зоны Восточной Европы и ориентацией на престижные образцы одного круга» (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 47–48). Полагая, что взаимосвязь днепровских привесок с мазурскими достаточно гипотетична, они не исключают и правомерности предположения А.А. Егорейченко о роли цебельдинского очага в формировании этой категории днепровского костюма (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 50).

В.Е. Родинкова, проанализировав структуру и набор элементов женского костюма

⁷ Небольшая биспиральная привеска высотой около 2 см и шириной 3 см, с такой же рифленой, но без штифта, обоймой найдена в склепе 35 могильника Лучистое в Крыму (Айбабин, Хайрединова, 2004. Табл. 105, 13). Как известно, из этого же памятника происходят наборы украшений, которые исследователи привлекают при реконструкциях женского убора из днепровских кладов I группы (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 58, а; Щеглова, 1999. Рис. 8).

днепровских кладов I группы, пришла к заключению об их сходстве с общим набором вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей как на уровне состава категорий украшений, так и на уровне форм отдельных украшений и принципов их использования (Родинкова, 2007. С. 358–388). Оба убора объединяет и единая для них территория распространения — Среднее Поднепровье и Днепровское лесостепное левобережье (Родинкова, 2007. С. 366). Но между временем бытования в днепровском регионе набора украшений круга выемчатых эмалей, наиболее поздние образцы которых относят к гуннскому времени (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123–124), и началом формирования костюма круга «древностей антов», которое предположительно датируется концом VI — началом VII в., а бытование его — второй и третьей четвертями VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 89–95, 146; Щеглова, 1999. С. 289), имеется значительная хронологическая лакуна. Она исключает возможность непосредственного заимствования носителями костюмного комплекса «древностей антов» I группы у населения, использовавшего убор круга выемчатых эмалей (Родинкова, 2007. С. 371). К тому же население киевской культуры, с которым связывают широкое распространение украшений круга выемчатых эмалей, на поздней стадии своего развития находилось под влиянием черняховской культуры с совершенно иным по составу костюмным комплексом. В результате анализа структуры женского костюма черняховского населения В.Е. Родинкова пришла к выводу о том, что прототипы женского убора круга «древностей антов» следует искать в иной культурной среде (Родинкова, 2007. С. 364–366), а именно у балтского населения Юго-Восточной Прибалтики, которое и стало своеобразным «передаточным звеном», связывавшим днепровские ювелирно-художественные традиции поздне римского времени и древности VII в. (Родинкова, 2007. С. 370–371).

Находка в Заречье ставит перед исследователями днепровского женского костюма VI–VII в. очередную задачу. Каким образом явный прототип днепровских ожерелий с биспиральными привесками оказался у населения Среднего Поочья середины V в. С точки зрения хронологии зареченское ожерелье, конечно, следует рассматривать как прототип более поздних днепровских украшений,

но, с другой стороны, как тип нагрудно-шейного украшения, структурно и на уровне форм его элементов оно уже вполне сложилось. Позже очертания и размеры биспиральных привесок изменяются, их в ряде случаев усложняют, придавая им концевые привески разных форм. Обоймы для подшивания с усложнением профилировки также увеличиваются в размерах и, снабженные штифтами, становятся более практичными. Цилиндрические спиральные пронизи из тонкой проволоки заменяются пластинчатыми гофрированными пронизями-трубочками. Но в основе своей днепровские ожерелья — это изменившие пропорции и размеры биспиральные привески, несколько усовершенствованные обоймы и пронизи из зареченского ожерелья. К тому же, как отдельный структурный элемент шейных украшений, ожерелья, состоящие только из биспиральных привесок, известны именно в днепровских кладах и в Заречье. В других случаях, на которые ссылаются исследователи Гапоновского клада (Орослань 2, Ментке, Тумяны), в состав таких ожерелий входят также подвески других форм (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 58, б, л, м).

У окских финнов и ранее появлялись предметы, связанные с инокультурными населением и традициями, в частности — престижного убора с выемчатыми эмалями, распространение которого в это время связывают с носителями киевской культуры: подковообразная фибула с эмалями из Кузьминского могильника (Корзухина, 1978. Табл. 16, 3), такая же фибула второго этапа развития предметов с эмалями из погребения 39 второй половины — конца III в. могильника Кораблино (Белоцерковская, 1998. Рис. 1, 14. С. 40–49); круглая ажурная фибула-брошь с фестончатым краем третьей стадии развития стиля из погребения 174 конца III — начала IV в. могильника Заречье и др.

На последнем этапе существования киевской культуры известны лишь единичные находки круга вещей с выемчатыми эмалями (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–123). Среди них — Поставмукский клад, который по парным треугольным фибулам третьего периода развития стиля эмалей и составу ожерелья датируют заключительной фазой киевской и поздним этапом черняховской культуры и не исключают возможности принадлежности его уже к гуннскому времени. Он является одной из наиболее поздних находок предме-

тов круга восточноевропейских эмалей (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 156–160. С. 138) и наиболее близкой по времени зареченскому ожерелью.

На памятниках киевской культуры конца IV — начала V в. известны и другие предметы, возможно, не имевшие отношения к престижному убору круга эмалей, но близкие находкам из рязано-окских могильников. Среди них — браслет с поселения Ульяновка позднего этапа киевской культуры, аналогичный находке из погребения 77 того же времени в Заречье (Белоцерковская, 2014. Рис. 1, б). К этому этапу киевской культуры относят и гладкую трапециевидную привеску на биспиральной подвеске из постройки VII на поселении Каменево 2 в Курской области (Обломский, 2007б. Рис. 95, 8. С. 99–100). Биспиральная подвеска здесь своеобразной формы — со спиральными окончаниями, расположенными не в нижней части, а на середине ее высоты, — служила держателем для пластинчатой привески. Она повторяет форму привесок к ожерелью из погребения 40 в могильнике Орослань 2 (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 58, б).

В Интернет-ресурсах представлена очень интересная для нас находка, состоящая из тринадцати крупных, высотой около 5 см, трапециевидных пластинчатых привесок, нанизанных на биспиральные подвески типа Орослань 2 и Каменево 2, шести таких же мелких привесок высотой около 2,5 см на проволоочных колечках, пластинчатых трубочек-пронизей и очень крупной трехрогой лунницы. Максимальная длина ее составляет около 12 см, петля для привески отсутствует, боковые «рога» частично обломаны, в верхней части видны три крупные полушарные выпуклости; средний отросток треугольной формы. Видно, что лунница, несмотря на не очень качественное изображение, по размерам, форме и орнаментации близка лунницам из Поставмукского клада. Если это так, и если Поставмукский клад действительно связан с носителями киевской культуры, то также нельзя исключить их знакомство и с биспиральными подвесками с пластинчатыми привесками. Еще раз подчеркнем, что в Каменево 2 и в описанной находке биспиральные подвески с иным расположением спиралей относительно их вертикальной оси играют роль держателей концевых пластинчатых привесок. В Заречье и части днепровских кладов биспиральные подвески — это самостоятельный, а не вспомогательный, элемент ожерелий.

Тем не менее, некоторые намеки на связь ожерелья из Заречья с древностями последнего этапа киевской культуры все же есть. Быть может, определение направлений внешних связей окских финнов поможет прояснить ситуацию.

Наиболее ярко эти контакты проявлялись в мужском погребальном инвентаре, содержавшем оружие, поясные гарнитуры, конское снаряжение, и в формировании «престижного» мужского костюма (фибулы, гривны и др.). Происхождение некоторых элементов воинской материальной культуры первой половины V в. определенно связано с центральноевропейскими, северокавказскими и степными древностями (Ахмедов, 2007. С. 145–152).

Позже, в середине — второй половине V в. в мужских захоронениях наряду с новыми деталями погребального обряда появляется ряд черт, характерных для памятников Среднего Подунавья. На основании находок пряжек типа «Птицир — Полибино», местной серии рифленых пряжек, пряжек с треугольно-выемчатой резьбой, уздечных наборов с северо-европейскими аналогиями, наконечников копий типов 2 и 7 по В. Казакевичусу и пр. И.Р. Ахмедов реконструирует северо-западное направление контактов окских финнов, идущее через Верхнее Поочье и Среднее Поднепровье (Ахмедов, 2007. С. 147–152).

Это позволяет предположить, что зареченское ожерелье могло попасть на Среднюю Оку через Среднее Поднепровье откуда-то с северо-запада. В таком случае областью распространения биспиральных подвесок этого времени можно считать, как полагают исследователи, и прибалтийские земли. Правда, это ни в коей мере не отрицает возможности бытования ожерелий рассмотренного вида и у носителей позднего этапа киевской культуры Среднего Поднепровья и поступления их на Оку непосредственно из этого региона, либо из водораздела Днестра и Дона. К тому же реализация этого направления в большей степени относится ко второй половине V в., когда в Поднепровье начинается формирование вещей подунайских стилей (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 143).

На осуществление прямых контактов носителей киевской культуры с потомками переселенцев со Средней Оки в ряде работ указывает А.М. Обломский. Он полагает, что такое смешанное население было характерно для поселений культурной группы типа Черто-

вицкое-Замятино в Верхнем Подонье. По мнению исследователя, именно в этом регионе, являвшемся промежуточным звеном на Донском пути, осуществлялись непосредственные контакты окского и, например, причерноморско-кавказского населения (*Обломский*, 2007а. С. 89; 2010. С. 140; 2011. С. 443–462).

Но существуют и другие точки зрения на этнокультурную интерпретацию памятников указанного типа. По мнению И.Р. Ахмедова, появление рязано-окских вещей V в. на памятниках типа Ксизово и Замятино связано с тем, что со времен римлян и на протяжении всего I тыс. еще функционировал «южный» донской путь. По реке Проня с притоками реконструируется один из его участков (*Ахмедов*, 2010. С. 15). В связи с тем, что происходящие из Замятино отдельные украшения финского типа относятся исключительно к женскому убору, и женщины же занимались изготовлением лепной посуды, представленной в Верхнем Подонье, Д.В. Акимов полагает, что взаимоотношения донского населения с рязанскими финнами (в данном случае) могли иметь иной характер — семейно-брачный (*Акимов*, 2008. С. 163–166).

Литература

Айбабин А.И., Хайрединоva Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. // БИ. Симферополь-Керчь, 2004.

Акимов Д.В. О проблеме взаимоотношений населения лесной и лесостепной зон Верхнего Подонья в гуннское время // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М., 2007.

Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. РСМ. Вып. 13. М., 2010.

Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. Самара, 2012. № 3.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр». Научный ежегодник. Гомель, 2013.

Белоцерковская И.В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология: Традиция и перспективы. М., 1998.

Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточ-

О том, что на сегодняшний день определены еще не все направления и характер связей окских финнов, имевшие место в рассматриваемый период времени, свидетельствует и состав металлов ожерелья. Так для изготовления спиральных пронизей из тонкой проволоки применен сплав, близкий по составу импортной трапецевидной пластинчатой подвеске с жемчужным орнаментом⁸, использованной в качестве височного украшения в погребении 213 конца IV — начала V в. в Заречье (*Белоцерковская*, 2014. Рис. 1, 23). Различаются они наличием в последнем образце железа и несколько иным процентным содержанием остальных металлов. При этом некоторые элементы импортного ожерелья из комплекса 213 имеют аналоги в древностях черняховской культуры (*Белоцерковская*, 2014. Рис. 1, 28).

Как видим, для решения вопроса о происхождении зареченского ожерелья пока недостаточно данных, для этого необходимы дальнейшая детализация хронологии и этнокультурных связей окских финнов и новые находки, связывающие украшения этого типа с днепровскими привесками.

ная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М., 2007.

Белоцерковская И.В. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1. Тула, 2010.

Белоцерковская И.В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012.

Белоцерковская И.В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. РСМ. Вып. 15. М., 2014.

Белоцерковская И.В. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, (в печати).

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: Некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н. э. // Археологические открытия. Европейская Россия. 1991–2004 гг. М., 2009.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Ранний горизонт (II–IV вв.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. М., 1979. № 1.

⁸ Cu-51,68%; Ag-40,72%; Fe-3,59%; Zn-2,62%; Pb-1,38%. Определение эксперта ГИМ А.В. Будникова.

Воронов Ю.Н. Могила апсидов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушкино, 2003.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // РСМ. Вып. 3. М., 1996.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья // Дисс... канд. историч. наук. Архив ИА НАНУ. Киев, 1988.

Егорейченко А.А. Очковидные подвески на территории СССР // СА. М., 1991. № 2.

Исланова И.В. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М., 2007.

Исланова И.В. Городище Отмичи // РСМ. Вып. 11. М., 2008.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Обломский А.М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М., 2007а.

Обломский А.М. Каталог памятников. Курская область // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). РСМ. Вып. 10. М., 2007б.

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV — V в.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19) // Вестник РГНФ. 2010. № 4.

Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб. — Кишинев, 2011.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). РСМ. Вып. 10. М., 2007.

Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М., 2007.

Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // ЗОР-СА РАО Т. V. Вып. 1. СПб., 1903.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992.

Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Курск, 1990.

Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. СПб. — Кишинев — Одесса, 1999. № 5.

Banyté R. Baitų kapinyno dvių kapų chronologijos klausimu // Archaeologia Lituana. 1. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. 1999.

Banyté-Rowell R. Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischen Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im "germanischen" und "sarmatischen" Kontext // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Germania — Sarmatia. Калининград, 2008.